

УДК 355.018:63(091)

СЕЛО ТАТАРСТАНА В ГОДЫ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

А.Г. Галлямова, кандидат исторических наук, доцент

В советской историографии, посвященной военной проблематике, в ряду важных факторов победы отмечались достаточно мощные мобилизационные ресурсы созданной в 1930-е гг. колхозной системы. Эта трактовка по существу не оспаривалась в постсоветский период, когда стали кардинально пересматриваться многие сюжеты советской истории. Правда, менялись оценки этих мобилизационных ресурсов: они интерпретировались уже не как хорошо организованный труд, а как неоправданная эксплуатация людей при помощи хорошо подходившей для этого колхозной системы. Расширилась и трактовка вклада крестьянства в эту победу, который рассматривался уже не только как результат обусловленного исключительно патриотическими чувствами сознательного напряженного труда, но и как не всегда оправданной эксплуатации людей.

А между тем, не претендуя на исчерпывающий анализ рассматриваемой проблемы, хотелось бы обратить внимание на то, что в годы войны власти отчасти дезавуировали колхозную систему такими мероприятиями, как раздача колхозной собственности, сотрудничество с теми, кто так или иначе проявил нелояльность к коллективизации. Как и по всей стране, война увела из деревни республики самых здоровых, самых сильных работников, самую качественную технику, лучших лошадей, однако не сняла с нее обязанности кормить страну, армию в первую очередь. Ответственность Татарской республи-

ки в этом отношении повысилась в результате того, что уже в первые месяцы войны были оккупированы западные территории страны. Иными словами, когда перед государством стоял вопрос между жизнью и смертью, идеологический ригоризм в экономической политике был отброшен. В чрезвычайно усложнившихся условиях власти вынуждены были закрывать глаза на то, как организован труд крестьян, лишь бы они справлялись со своей основной задачей — производством продовольствия.

Неизбалованное техническим изобилием и в предвоенные годы сельское хозяйство в годы войны лишилось в значительной степени имевшейся материально-технической оснастки. Уже в первые месяцы войны из Татарстана было мобилизовано более 3 тыс. грузовых автомобилей, около 400 тракторов. В аграрном производстве остались худшие машины устаревших марок, которые в иных условиях следовало бы списать. Обострилась и проблема горючего на селе. Чтобы эффективно использовать резко ослабленную базу аграрного производства, крестьяне, по сути дела спасая колхозный скот и земли, забирали их в личное пользование.

Всеобщая мобилизация лишила село и его наиболее трудоспособной части — мужчин — главным образом работающих с техникой. В общей сложности в первый же год войны численность населения в колхозах республики сократилась на 150 тыс. человек, т.е. на 9%. При этом число трудоспособных в колхозах

сократилось на 19%¹. Тенденция сокращения как общей численности колхозного населения, так и трудовых ресурсов села стойко сохранялась вплоть до 1944 г. Лишь в 1945 г. несколько увеличилась общая численность сельского населения и довольно заметно его трудоспособная часть — соответственно на 1 и 10%. На фронте оказалась и большая часть работников низового и среднего управленческого аппарата аграрной сферы, которой, как известно, почти не коснулась система бронирования. Так, в Татарстане уже во второй половине 1941 г. были заменены 65% председателей колхозов и 66% бригадиров полеводческих бригад². В этих условиях руководство колхозами часто попадало в руки тех, кто ранее скомпрометировал себя как противник колхозного строя. В ряде районов на пост председателя колхозов были выдвинуты люди, имевшие «кулацкое» прошлое, участники вилочных восстаний 1920-х гг., люди, имевшие судимость за антиколхозную агитацию³. Правоммерно предположить, что это были наиболее смекалистые и предприимчивые крестьяне. Этим, в частности, объяснялось возрождение в годы военного лихолетья у крестьян надежд на ликвидацию колхозной системы, возвращение к традиционному сложившемуся крестьянскому доколхозному укладу жизнедеятельности.

Отчасти росту антиколхозных настроений способствовало положение, складывающееся на фронте в первый период войны. Так, в селе Старая Михайловка Альметьевского района в 1942 г. была арестована группа граждан, которая не только «срывала» государственные мероприятия в области сельского хозяйства, но и высказывала «пораженческие» настроения⁴. Один из жителей этого села, вернувшийся из плена, публично восхвалял жизнь в Германии. «Нам, — говорил он, — до немецкой культуры далеко, нужно еще прожить 50 лет, чтобы сравняться, немцы ходят и одеваются чище нас». Тут же другой участник беседы добавил:

«Скоро немцы придут сюда, они уже забрали г. Баку, Сталинград, беспощадно бомбят Куйбышев, нас здесь скоро освободят от советской власти, от этих колхозов». Причем эти высказывания шли от руководителей колхоза. Не случайно в данном хозяйстве отмечались срыв планов поставок, развал трудовой дисциплины. Как отмечалось в обвинительном заключении по делу руководителей колхоза, «колхозники на работу выходили в 10—11 часов и бросали работу в 3—4 часа дня». В этом же документе отмечалось «разбазаривание хлеба на внутрихозяйственные нужды» при существенных недопоставках его в государственный фонд. Очевидно, «разбазаривание» означало стремление руководителей хозяйства обеспечить более-менее сносное существование односельчан. Завхоз этого колхоза, мотивируя недопоставки в государственный фонд, говорил: «Если мы будем отправлять хлеб государству, то колхозников оставим голодными».

Как следует из процитированной докладной записки органов внутренних дел, аналогичная ситуация отмечалась и в ряде других хозяйств района. Так, в целом на середину ноября 1942 г. выполнение плана хлебосдачи здесь составляло 34%. Задержка с вывозкой хлеба государству объяснялась «крайне плохой организацией обмолота хлебов со стороны руководства района», т.е. субъективными причинами. В этой же записке отмечается, что «из 62 конных молотилок, имеющихся в колхозах, на молотье используются только 40, остальные 22 из-за неисправности не используются. Из 14 сложных молотилок и 17 комбайнов МТС более-менее регулярно работают только 7—8 молотилок и 8—9 комбайнов. Остальные продолжительное время простаивают вследствие частых поломок по вине малоопытных машинистов и комбайнеров». Далее следует вывод о несознательности руководства колхоза, слабой воспитательной работе среди рядовых колхозников.

Таким образом, фактически непосредственные хозяйственные руководители превращались в «козлов отпущения». С одной стороны, председателей осуждали за невыполнение сельхозобязательств. Так, председатель колхоза «Красное Калиново» Акташского района И.Н. Агапов за то, что после первого обмолота ржи раздал 4,5 ц хлеба в виде пайка колхозникам, чтобы спасти их от неминуемого голода, был осужден на 8 лет лишения свободы⁵. С другой стороны, боясь наказания за невыполнение жестких государственных заданий, некоторые руководители хозяйств учиняли настоящую расправу над крестьянами и, в конечном счете, получали наказание за превышение власти. Так, председатели исполкомов Ямашского, Мавринского, Новоникольского и Ерсубаевского сельских советов Акташского района и Демкинского сельсовета Аксубаевского района были привлечены к уголовной ответственности «за принуждение вплоть до обыска в хозяйствах ... при сборе средств на постройку танковой колонны от колхозников»⁶.

Репрессивные меры по отношению к руководителям аграрного производства усиливались по мере избавления от внешнего врага, как усиливался и мобилизационный характер аграрной политики. Так, в течение хлебозаготовительной кампании 1943/1944 г. было предано суду 138 председателей колхозов, а только за первый квартал 1946 г. — 168⁷.

Однако внеэкономический нажим не мог полностью компенсировать потери в рабочей силе и технике. Несмотря на двойные, тройные усилия сельских тружеников и привлеченных в порядке трудовой повинности на сельхозработы горожан, далеко не всем хозяйствам республики удалось справиться с уборкой урожая 1941 г. Селяне, в которых еще не была вытравлена недолгим существованием колхозного строя крестьянская психология рачительного хозяйствования, как личную трагедию воспринимали несовершенные

поля, неубранный хлеб. «До сих пор болит душа, когда вспоминаю, сколько хлеба осталось тогда на полях», — говорила о первом годе войны работавшая тогда механизатором М.И. Котанкина⁸.

Трудно проходили сельскохозяйственные кампании и в последующие 2 года. «1942 год был очень напряженным, — вспоминает уже упоминавшаяся Котанкина. — Члены женской бригады понимали: фронту нужен хлеб. Много хлеба. Работали сутками. Днем жали, ночью молотили... На уборке 1942 г. мы работали с помощницей сразу на двух комбайнах. Один налажу, бегу к другому. Помощниками-то ведь малые дети работали, на них комбайн не оставишь»⁹.

В 1943 г. трудности военного лихолетья достигли своего апогея. Больше чем когда-либо за годы войны сократилось поступление запасных частей и горючего. Нехваткой кормов были до предела ослаблены лошади, сократились посевные площади. Заслуженный механизатор Татарской АССР Ш. Мухутдинов, впервые приступивший к боронованию весной 1943 г., так вспоминает то суровое время: «Где уж в то время выполнять норму? Мальчишки погоняли лошадей, а сами беспокоились, как бы, обессилев, они не упали. И работать надо, и лошадей жалко»¹⁰.

В 1944 г., когда наступил твердый перелом на фронте в пользу Советского Союза, крестьянам, как и всему народу, стало морально легче переносить все тяготы военного времени. Посевная кампания 1945 г. совпала с капитуляцией Германии. В деревне, как и по всей стране, это вызвало огромный энтузиазм народа. Несколько улучшилось и материальное оснащение аграрной экономики. 3 февраля 1945 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О неотложных мерах по подъему сельского хозяйства Татарской АССР», в соответствии с которым республике была оказана помощь семенами, машинами. Это благоприятно отразилось на результатах

сельскохозяйственного производства. Впервые за военные годы план сева колхозами Татарской республики был выполнен на 100,1%, в лучшие сроки была проведена в республике уборка хлебов. Татарская республика сдала хлеба государству больше, чем в 1944 г.

Однако эти результаты достигались, главным образом за счет колоссальных жертв резкого снижения жизненного уровня населения. Все, что производилось крестьянами, отправлялось на фронт. Тяжелым бременем на плечи крестьян ложились обязательный заем, денежные сборы на обеспечение армии. Добровольцев подписаться на заем или внести взнос в Фонд обороны было немного, поэтому сборщикам приходилось употреблять силу и настойчивость при выполнении непомерных заданий. Займы являются одним из самых горьких воспоминаний и тех, на чьи плечи ложилась обязанность по их выколачиванию из крестьян. К этой работе широко привлекали сельских педагогов. Учителя с 40–50-летней педагогической практикой рассказывали, что самым тяжелым в их работе были не суровые условия во время войны, когда приходилось обучать изможденных голодных учеников в холодных зданиях при отсутствии учебников, тетрадей и карандашей. Труднее и горестнее всего была так называемая агитаторская работа в 1940–1950-е гг., которая заключалась в принуждении людей к подписке на заем, сборе налогов и недоимок и т.п. Усталые, сами полуголодные учителя вынуждены были ходить по селу и собирать молоко, яйца, сушеную картошку. Чего только не приходилось выслушивать молодым учительницам от крестьян, которых иногда часами приходилось уговаривать поставить подпись в листе на заем с учетом вычета из будущего вознаграждения за труд. Для выполнения неукоснительных требований районных властей по выполнению заданий приходилось являться к крестьянам на рассвете до выгона в стадо скота, чтобы у неплательщиков налогов силой отбирать животных.

Порой для выполнения обязательств агитаторы сами доили корову и забирали молоко, не оставляя ни капли деткам, последнюю горсть зерна, последнюю картошку. По словам Сажиды Курамшиной, учительницы из Нового Надырова, у нее до сих пор перед глазами односельчанка Нурлыхадар, мать четверых детей, вдова фронтовика, умоляющая оставить в доме хоть немного картошки¹¹. Не отобрать – было рискованно: могли сурово наказать за укрывательство. Случаи доведения такой информации до нужных инстанций были не редкостью.

К концу войны село находилось на грани выживания. Самыми тяжелыми были 1944–1945 годы. Крестьяне уставали физически от сверхнапряженного труда, уставали морально от приходивших с фронта похоронок. Отдавая все фронту, деревня была обречена на полуголодное существование, негативно сказывавшееся на состоянии здоровья людей. По данным НКВД, в 1943 г. наблюдался резкий рост заболеваний сыпным тифом. В 1944 г. количество больных дистрофией в ряде районов республики доходило от 2000 до 3000 человек, септической ангины – около 24000 человек, умерло 6097 человек¹².

Однако аграрная политика не только не ослабевала, а даже ужесточалась. Норма выработки трудней росла с каждым военным годом, крестьяне почти ничего не получали взамен. В годы войны выдача зерновых и картофеля на душу населения сократилась примерно в 3 раза¹³. С окончанием войны сельские труженики небезосновательно ожидали, что власти ответят благодарностью за их невероятный труд в сложных условиях военного времени, в результате которого они оказались в состоянии крайней усталости и невероятного обнищания. Ожиданиям крестьян не суждено было сбыться. После войны мобилизационный характер аграрной политики не ослабел, хотя сельское хозяйство находилось в упадке и нуждалось в государственной поддержке. Из-за нехватки кормов сократилось по-

голове общественного стада. Низкой была урожайность зерновых. Как у колхозов, так и у единоличных хозяйств, сохранявшихся в 1940-е гг., был непомерно высокий план государственных поставок. Государство забирало все подчистую. Налог на хозяйство составлял 40–60 кг мяса, 200–500 л молока, а также шерсть, шкуры, яйца, независимо от того, производилась ли в нем данная продукция или нет. Положение в Татарстане усугублялось и крайне неблагоприятной погодой первых послевоенных лет: засухами 1946, 1948, 1949 гг.

Людей охватывало отчаяние. Вернувшийся с фронта уроженец с. Новое Надырово Альметьевского района Мазит Аюпов говорил своим землякам: «Скучаю по фронтовому прошлому, на войне было легче, там, по крайней мере, еды хватало»¹⁴. Основной едой первых послевоенных лет были лебеда и крапива, особенно ценился борщевик. Привычной картиной в домах рачительных хозяек была повсюду, где только можно, разложенная для сушки трава – припасы на зиму. Голод сказывался и на поголовье домашнего скота: его почти не осталось, так как нечем было кормить. Те, у кого все-таки имелась корова, были вынуждены разбирать соломенные крыши своих домов на корм скоту. Порою в дождливые дни с потолков так капало, что, спасая от влаги, приходилось подушки, матрасы складывать в одну стопку и ложиться поверх них.

Помимо перманентного чувства голода, крестьяне испытывали и чувство холода. Большой проблемой для республики были дрова. Заготовка их в деревнях из-за нехватки лошадей была крайне затруднительна. Чтобы экономить ценное топливо, несколько семей объединялись в одном наиболее крепком доме, а некоторые сельчане поселялись в баньку, на обогрев которой требовалось меньше дров.

У крестьян не было средств обустроить свой быт: отремонтировать обветшавшие дома, хозяйственные построй-

ки, обзавестись приличной одеждой. Долгие годы работавший председателем впоследствии одного из самых успешных колхозов «Искра» Атнинского района Ф.Г.Галиев, описывая свои первые впечатления после возвращения с фронта, пишет: «Глядя на Анвару Бадрееву, я подумал, до какой степени бедности может дойти человек. Одежда на ней была вся в заплатках, даже платок на голове пестрел ими»¹⁵. Одежда взрослых латалась до тех пор, пока ткань не расползалась. В обносках вырастали дети. Пеленками для детей служила старая одежда взрослых. До 2–5 лет ребятишки бегали в штанишках «без дна», чтоб меньше было проблем со стиркой. Не было никаких специальных предметов детского обихода. Колыбельку обычно делали своими руками. Вместо соски использовался разжеванный хлебный мякиш, завернутый в марлю.

В первые послевоенные годы сельские жители отчаянно боролись за выживание, они не спешили возвращать в колхозы обобществленные в период коллективизации земельные участки, а также скот. По материалам проверки, проведенной в 1946 г., в 1110 колхозах 26 районов республики, что составляло примерно их половину, было установлено самовольное расширение приусадебных участков у 3 тыс. колхозных дворов и 1518 хозяйств, не входивших в колхозы¹⁶.

К весне 1946 г. у крестьян республики было отобрано более 91 тыс. га земли, так или иначе оказавшейся в их руках в годы войны. Было также отобрано около 2 тыс. коров и лошадей¹⁷. Однако мероприятия государства по изъятию колхозных земель во второй половине 1940-х гг. имели сиюминутный эффект. К ним в послевоенные годы приходилось прибегать почти ежегодно. Так, в 1948 г. в 3428 колхозах было выявлено более 20 тыс. случаев самовольных захватов колхозных земель на площади 3854 га разными организациями и лицами – не членами колхозов. Из них 3696 га было возвращено колхозам¹⁸. Согласно постановлению Совета министров

СССР «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах», принятому в июле 1950 г., правительство ТАССР не сумело остановить процесс расхищения общественных земель¹⁹. Это свидетельствовало о том, что крестьяне были полны решимости отстаивать свои права на землю. Не имея возможности получения справедливого вознаграждения за свой труд в колхозе, они были вынуждены становиться на путь хищений общественной собственности. По данным архива МВД РТ, в 1946–1948 гг. за это ежеквартально возбуждалось уголовных дел и придавалось суду от 600 до 2000 человек.

Помимо покушения на колхозную землю и хищений колхозного имущества, скрытый протест деревни против аграрной политики выражался и в уклонении от работы в колхозе. В 1946, 1947, 1948 гг. почти половина колхозов республики за работу в общественном производстве не выдала ни копейки, в остальной половине хозяйств выдача денег была символической — одна копейка в расчете на один трудовой день. Другой основной компонент трудового дня — выдача зерна — также был незначительным. В 1948 г. почти половина колхозов республики выдала по 300 г зерна на трудовой день, четвертая часть — от 300 до 500 г, и где-то пятая часть — от 500 г до 1 кг²⁰. В результате только 2,4% дохода колхозников приходилось на трудовой день, остальную часть дохода давало личное подсобное хозяйство (ЛПХ).

При этом тяга к благотворной деятельности на родной земле у крестьян была сильной, но не в колхозном производстве, не дававшем возможности обеспечить достойную жизнь. В этой связи характерен пример колхоза «Красный Болгарец» (с. Болгары) Куйбышевского района. В 1951 г. здесь была «изобличена группа бывших кулаков, на протяжении ряда лет подрывавших общественное хозяйство колхоза»²¹. Речь шла о раскулаченных в начале 1930-х гг. 15 семьях, вернувшихся после войны в родные места, главы которых воевали на фронте. Воодушевленные победой,

с желанием жить и работать на родной земле, все вернувшиеся приобрели себе дома, обзавелись скотом, пасаками, получили в колхозе приусадебные участки. Один из них, единоличник А. Рябов, построил двухэтажный дом с собственной мастерской на нижнем этаже площадью 54 кв. м, оборудовал ее полным комплектом столярных инструментов, токарными станками, круглой пилой, выполнял там частные заказы. Другой житель этого села Ф. Тяников построил два дома, обзавелся скотом, собственной пасекой из 18 ульев, двумя лодками, в том числе одной моторной, рыболовными снастями, засеял огород. Еще один бывший зажиточный житель этого села Н. Е. Кузнецов, сбежавший из села в 1930 г., боясь раскулачивания, занял отобранный у него дом, получил приусадебный участок, приобрел корову, пять овец, пасеку, в колхоз не вступал.

Во многом благодаря упорному труду на крестьянском подворье оставшихся на селе настоящих рачительных хозяев выполнялся план поставок сельхозпродукции. К примеру, в 1949 г. в Альметьевском районе колхозы сдали 1890 ц мяса при плане 2080 ц, а личные подворья — 2536 ц при плане 2250 ц, соответственно молока колхозы сдали 7276 л при плане 7045 л, индивидуальный сектор — 10202 л при плане 8864 л, яиц соответственно — 242535 при плане 244100 и — 570554 шт. при плане 529800 штук²². Иными словами, план сельхозпродукции выполнялся и даже перевыполнялся районом за счет крестьянских хозяйств. Потенциал общественного сектора использовался в районе крайне неэффективно. Так, в 1947 г. машинно-тракторный парк эксплуатировался не более чем на 70%, живое тягло колхозов — на 60%, трудовые ресурсы на 65%. Кредиты, отпущенные государством на строительство животноводческих построек и покупку племенного скота, были израсходованы лишь на 56%, на строительство электростанций — на 63% и на растениеводство — на 15%²³.

Казалось бы, выход из тяжелого кризиса, в котором находилось сель-

ское хозяйство, был очевиден: большей живучестью, эффективностью даже в условиях грабительского отношения со стороны государства обладали индивидуальные хозяйства, значит, ставку надо было делать на них. Однако власти выход искали совсем в другом направлении — усилении административно-бюрократической системы на селе. Были предприняты меры по укрупнению колхозов, в результате которых колхозы в небольших селах превращались в бригады колхозов, их центральные усадьбы располагались в близлежащих более крупных населенных пунктах. В итоге маленькие поселения приходили в упадок и постепенно совсем исчезли. Параметры хозяйствующих объектов в аграрной отрасли увеличились. Если до процессов укрупнения на каждый колхоз в республике приходилось в среднем 73 двора, 113 трудоспособных колхозников и 740 га пашни, то после объединения — соответственно 297 дворов, 901 человек и 1960 га²⁴. Процесс укрупнения сопровождался усилением коммунистической прослойки на селе. До объединения мелких колхозов первичные партийные организации имелись в 49% колхозов, после объединения — в 70%²⁵. Это облегчало работу центральных органов с местным руководством. Путем угрозы потери партбилета с него в условиях грабительской аграрной политики и нищенского существования крестьян легче было требовать выполнения заведомо невыполнимых планов.

Конечно, в республике были примеры успешных хозяйств, в которых ценою напряженнейшего труда рядовых колхозников добивались успехов в общественном производстве. Наглядным примером в этом отношении является колхоз «Зай», сумевший в 1946 г. стать единственным в республике колхозом-миллионером. Большую роль здесь сыграли вчерашние фронтовики. Не только здесь, а и по всей стране на плечи многих из них легла основная ноша в послевоенном восстановлении сельского хозяйства. Сумевшие

выжить в страшной войне, они знали цену дисциплине, сплоченности, четкости выполнения руководящих указаний и распоряжений. Команда именно таких людей пришла к руководству в колхозе «Зай» в с. Новое Надырово. Возглавил его 33-летний Хады Рахманов, вернувшийся с фронта после тяжелого ранения в 1943 г. К этому времени он, несмотря на молодость, прошел огромную жизненную школу. Время, когда он вступал в фазу активной социальной жизни, совпало с периодом становления колхозного строя, формированием комсомольской организации. Хады был в ее первых рядах и в авангарде борьбы за организацию колхоза «Зай». Организаторские способности и энергичная готовность служить советской власти не остались незамеченными. В начале 1930-х гг. его выдвигают в районные управленческие структуры. Сначала он работал в районных организациях ВЛКСМ, ВКП(б), затем служил в органах НКВД. Вернувшись с серьезным увечьем с войны, после небольшого отдыха, Х. Рахманов заступил на пост председателя колхоза. Поднимать запущенное хозяйство в «Зае» начали с налаживания дисциплины, со строжайшего учета и контроля. В колхозе была создана авторитетная ревизионная комиссия, которую возглавил также фронтовик Закир Закиевич Закиев, оставившийся им весь самый трудный период становления колхоза в 1946—1951 гг.

К концу войны колхоз «Зай» представлял собой, как и большинство колхозов республики, многоотраслевое хозяйство. В условиях послевоенной разрухи поднять одновременно все отрасли было нереально. Поэтому силы колхоза были сосредоточены на одном-двух производственных направлениях, приносящих наибольшую прибыль. Основная ставка была сделана на производство конопли. Выращивание этой культуры для здешних краев было занятием традиционным, им занимались еще в дореволюционные времена. Именно возделывание этой культуры

сделало «Зай» единственным в республике колхозом-миллионером и до середины 1960-х гг. обеспечивало славу одного из самых передовых хозяйств Татарской республики. К середине 1950-х гг. колхоз стал практически главным предприятием в республике, выращивавшим семена конопли первой репродукции сорта местная улучшенная Альметьевская.

Миллионные доходы колхоза надыровцам давались, однако, нелегким трудом. В большинстве колхозов к наступлению осенних холодов работы в полеводстве уже завершались, а в Новом Надырове они затягивались до глубокой зимы. В выращивании конопли господствовал ручной труд. Приходилось подолгу в плохонькой одежде, без специальной обуви стоять в холодной осенней воде, когда наступало время доставать из реки вымоченные стебли. Мять, тереть коноплю босыми ногами доставалось ребятам. Кто сейчас может точно сказать, какой вред наносило это занятие неокрепшему детскому организму? Тогда ведь никто не думал о наркотических свойствах конопли. Надыровцы вспоминают, что во время работы с ней нередко появлялись необычный прилив энергии, какая-то необъяснимая эйфория, а затем — головокружения, головные боли. Ражяп Мухаметов, главный батыр на сабантуях, рассказывал, что, работая на перевозке конопли, не мог выдержать даже до обеда: голова «раскалывалась». Многие надыровские женщины приобретали тяжелые хронические заболевания. По наблюдениям надыровцев, в их селе по сравнению с соседними отмечалась более ранняя женская смертность. Однако в те годы надыровцы не задумывались о том, что занимаются вредным для здоровья трудом. Они привыкли трудиться с утра до вечера, поддерживая высокую марку колхоза «Зай». Стабильно высокие результаты коноплеводческой отрасли, однако, не приносили колхозникам особого достатка. «Мы были «миллионерами», но хлеба досыта не ели, как в соседней Мактаме», «Где

они были, наши миллионы? Мы их не видели, не ощущали!», — таковы характерные высказывания надыровцев, переживших советскую эпоху. Производственные успехи колхоза «Зай» были скорее исключением, чем типичным примером в сельскохозяйственной отрасли в послевоенную пору. Низовые структуры руководящих органов часто занимались лишь имитацией деятельности по реализации аграрной политики, видимо, осознавая невозможность ее успешного выполнения. К примеру, в 1947 г. газета «Правда» писала: «В Татарской республике еще не подготовлено 70% комбайнов и 90% молотилок. Почти 4 часа продолжалось обсуждение докладов. Председателям было задано много вопросов, сделаны предупреждения. Никакому анализу работа колхозов не подвергалась. Настойчивая просьба председателей об оказании колхозам неотложной практической помощи потонула в бесконечных репликах членов бюро»²⁶.

Сельскохозяйственная отрасль развивалась по остаточному принципу, объективно она испытывала катастрофическую нехватку техники. В 1949 г. в колхозах республики имелось 618 автомашин, что составляло всего 36% от уровня 1940 г. Вследствие этого уменьшился размер пахотной земли: в 1950 г. по сравнению с 1940 г. она уменьшилась на 12 тыс. га²⁷. Но для нормальной эксплуатации даже сократившегося поля республике не хватало ресурсов. В нормальные сроки засевалось менее 70% площадей, при этом по зяби — менее 50% яровых, весенний сев продолжался до 40 дней, осенняя уборка — до 50 дней. В отдельные годы, например в 1950 г., остались необранными значительные площади зерновых и других культур, на токах из-за отсутствия сушилок испортилось в большом количестве намолоченное зерно.

Многие хозяйства систематически из года в год не обеспечивали себя семенами. В начале 1950-х гг. собственными силами колхозы засеивали 36–38% посевной площади. Для выполнения и

перевыполнения плана хлебозаготовок они вынуждены были сдавать семенное зерно государству, обещавшему выдать семенную ссуду позднее. Она, действительно, выделялась, но уже по цене, гораздо превышавшей ту, по которой колхозники осенью сдавали зерно государству. Доставка его в колхозы, по воспоминаниям колхозников, оставила одно из самых тяжелых впечатлений от тех лет. Как правило, выделяли семена в весеннее бездорожье, когда разливались весенние воды на полях. Голодные женщины, подростки на ручных санях тащили семена из государственных хранилищ на расстояние 20–50 км. Все это отрицательно отражалось на показателях растениеводческой отрасли. В четвертой пятилетке (1946–1950 гг.) среднегодовая урожайность зерновых в республике не превысила 5,3 центнера с одного гектара, а валовой сбор хлебов – 65 млн пудов, что было в 2,5 раза меньше плановых заданий.

В крайне запущенном состоянии находилось и животноводство. Ни одна из его отраслей в республике не была рентабельной. Часть колхозов совершенно не имела на своих фермах скота или имела в незначительном количестве. Так, по состоянию на 1 января 1949 г. в 10 колхозах республики совсем не было коров, в 1198 хозяйствах имелось только по 1–5 коров, в 715 – по 6–7 коров, в 1586 – по 8–15 коров, в 111 – от 26 до 35 и только в 66 колхозах имелось свыше 35 коров. К последним двум группам относились колхозы, располагавшие большими земельными площадями, и в пересчете на каждые 100 га земли в этих колхозах приходилось по 1–2 коровы. Из-за плохого ухода животные не набирали необходимого веса, поэтому выполнять план сдачи скота приходилось гораздо большим количества голов, чем это было бы при хорошей упитанности скота. Только за 1948 г. колхозы республики сдали в счет мясопоставок на 5493 головы крупного рогатого скота и на 8968 голов овец и коз больше, чем пришлось бы при нормальной упитанности²⁸. В частности, из-за этого поголовье

скота в республике в послевоенную пятилетку сократилось по разным видам животных на 40–60%²⁹. Во многих колхозах не было постоянных кадров животноводов. Люди всячески избегали один из самых сложных участков в сельскохозяйственном производстве, каковым являлось животноводство, поскольку здесь господствовал тяжелый ручной труд при ненормированном рабочем дне и при низкой оплате труда.

Впрочем, жители сел, терявшие надежду на улучшение жизни, не хотели работать не только в животноводстве. Они стремились использовать любой шанс, чтобы вообще уйти от тяжелой крестьянской доли и попасть в город. Хотя сделать это было весьма непросто: крестьяне по-прежнему не имели паспортов и находились, по сути, в полукрепостном состоянии. Возможность легально уйти из деревни давала служба в армии, поэтому недостатка в призывниках не было. Задавленная антикрестьянской политикой, деревня легко поддавалась на заманчивые посулы вербовщиков, которые зазывали на тяжелую работу в необустроенные регионы. Массами сельские жители уезжали на шахты, в леспромхозы, на новые стройки. С 1940 по 1950 г. число колхозных дворов в ТАССР сократилось с 379,4 тыс. до 354,0 тыс.³⁰

Массовое бегство крестьян из аграрной отрасли, низкие показатели сельскохозяйственного производства свидетельствовали о том, что военномобилизационный характер аграрной политики не оправдывал себя. В 1950 г. первый секретарь Татарского обкома ВКП(б) З.И. Муратов направляет Сталину письмо об ужасающем положении в деревне, конкретными цифрами показывая, что отсутствие экономического интереса крестьян к общественному труду привело аграрную отрасль к критическому состоянию. К началу 1950-х гг. в Татарстане имелось 2 тыс. отсталых колхозов, имевших огромные недоимки. В среднем по республике они составляли по поставкам хлеба 6,25 ц на один га посева, а по отдельным

районам — от 9 до 12 ц. Недоимки молока по колхозам республики в расчете на одну корову составляли 500 л, а по некоторым районам — от 922 до 1500 л³¹.

Полуголодное и больное крестьянство при отсутствии материальных стимулов к труду не могло обеспечить эффективного производства, высокого качества работ. Отсутствие экономического интереса крестьян к общественному труду привело аграрную отрасль к критическому состоянию. В конечном счете, это заставило власти внести кор-

рективы в аграрную стратегию. Обычно их связывают с личностью Н.С. Хрущева. Не отрицая его роли в смягчении аграрной политики, отметим, что еще в 1949 г. он был за трансформацию сельского хозяйства через крупные формы, огосударствление его. Военно-мобилизационная модель аграрного производства в первой половине 1950-х гг. сменилась во многом благодаря действиям самого крестьянства, модернизационные инициативы властей вызывались самой жизнью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подсчеты автора по кн. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. — С.396,398.

² *Гильманов З.И.* Татарская АССР в Великой Отечественной войне. — Казань, 1977. — С. 143.

³ *Гильманов З.И.* Указ. соч. — С. 145.

⁴ Национальный архив РТ (НА РТ). Ф. 128. О. 13. Д. 169. Л. 345—347.

⁵ НА РТ. Ф. 128. О. 13. Д. 202. Л.54.

⁶ НА РТ. Ф. 128. О. 13. Д. 202. Л.34.

⁷ Архив МВД РТ. Ф. 4. О. 59. Д. 9а. Л.8; По данным Файзрахманова Г.Л.

⁸ Сельская новь. Орган Аксубаевского райкома КПСС. — 1983. — 26 марта.

⁹ Сельская новь. Орган Аксубаевского райкома КПСС. — 1983. — 26 марта.

¹⁰ Слава труду. Орган Бавлинского райкома КПСС. 1983. — 30 апр.

¹¹ Новое Надырово. Древняя столица края // Отв. ред. А. Галлямова. — Казань: Рухият, 2010. — С. 92.

¹² Архив МВД РТ. Ф.4. О.60. Д. 9А. Л. 3.

¹³ *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. — С.341.

¹⁴ Новое Надырово. Древняя столица края. — С. 101.

¹⁵ *Галиев Ф.А.* Судьба хлеба / Пер. с татарского *В.С. Шакировой.* — Казань: Таткнигоиздат, 1987. — С. 73.

¹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 146. Л. 91.

¹⁷ *Султанбеков Б. Ф., Харисова Л. А., Галлямова А. Г.* История Татарстана. XX век. IV часть. — Казань: «Хэтер», 1998. — С. 280.

¹⁸ НА РТ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 21. Л. 2, 7.

¹⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 32. Д. 191. Л. 6.

²⁰ НА РТ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 3851. Л. 108.

²¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 128. Оп. 2. Д. 158. Л. 3.

²² ЦГА ИПД РТ. Ф. 273. Оп. 29. Д. 28. Л. 103.

²³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 32. Д. 159. Л. 34.

²⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 31. Д. 26. Л. 60.

²⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 31. Д. 26. Л. 61.

²⁶ Правда. — 1947. — 30 июня.

²⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 139.

²⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 6. Л. 183, 185.

²⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 32. Д. 132. Л. 14.

³⁰ 50 лет Татарской АССР. Стат. сб. — Казань: Таткнигоиздат, 1970. — С. 93.

³¹ Там же. Ф. 15. Оп. 31. Д. 15. Л. 148.

Аннотация

В статье рассматривается история сельского хозяйства и крестьянства в экстремальных условиях военного времени. Показаны резкое осложнение материально-технического и человеческого факторов развития аграрной отрасли, ухудшение жизненных условий сельских жителей Татарской Республики.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, колхозная система, тыл, советская деревня, Татарская АССР.

Summary

The article considers the history of agriculture and peasantry during the war period. The sudden complication of material technical and human factor of the development of the agrarian branch, worsening of the Tatar countrymen's living conditions are shown.